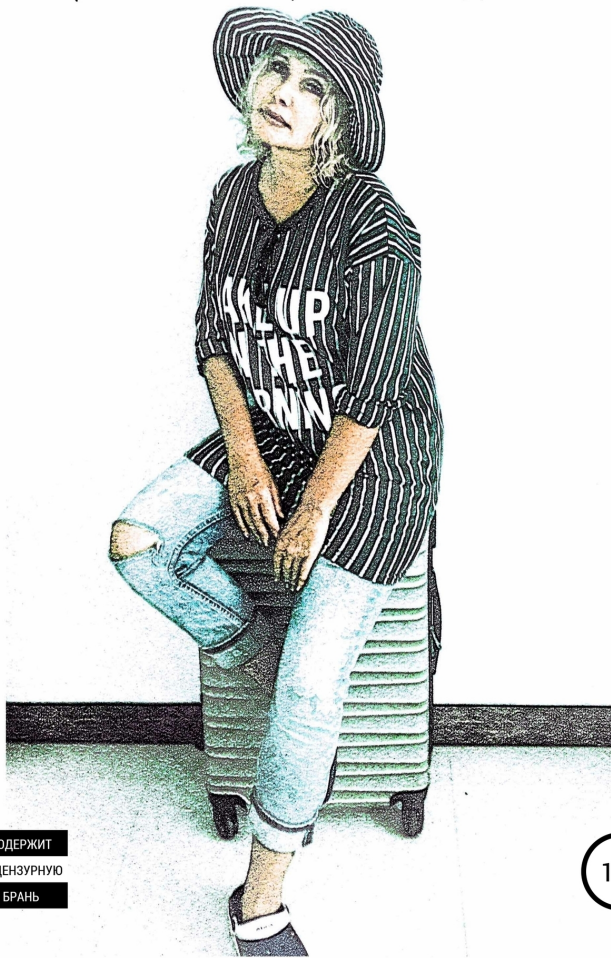

Елена Слизирёва
Странствия брачной туристки

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Снигирёва

Странствия брачной туристки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40238813

SelfPub; 2019

Аннотация

Наше время, наша реальность: жизнь в интернете, работа в интернете, романы в интернете. Случаются встречи. Возникают отношения. И продолжают уже в реальной жизни следующие за этим чувства и эмоции: радость знакомства, вихрь влюблённости, безумства страсти, страх потери, холод измены. Всё это так по-старому банально, но всегда по-новому больно. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Книга 1.	6
Perfect match шведских многоточий	6
Конец ознакомительного фрагмента.	71

antique

Елена
Снигирёва

Странствия брачной туристки

Наше время, наша реальность: жизнь в интернете, работа в интернете, романы в интернете. Случаются встречи. Возникают отношения. И продолжают уже в реальной жизни следующие за этим чувства и эмоции: радость знакомства, вихрь влюблённости, безумства страсти, страх потери, холод измены. Всё это так по-старому банально, но всегда по-новому больно. Содержит нецензурную брань.

2018
гг

Елена
Снигирёва

FictionBook Editor Release 2.6.6

2018

b78dd444-6c29-4771-9324-cb461ad9418b

1.0

SelfPub
2019

84(2)6
821.161.1
C53

Книга 1.

Perfect match шведских многоточий

Я сижу на полу в зале ожидания Шереметьево. По привычке заряжаю телефон. По привычке не выпускаю его из рук. Вот только в этих привычках нет уже никакой необходимости.

Мои глаза открыты. Но я не вижу спящих мимо меня людей.

С широко открытыми глазами я вижу, как рушится моя мечта. Кирпичик за кирпичиком. Обваливаются стены моих иллюзий. Падают и разбиваются в пыль осколки самых ярких фантазий. Всё, к чему я так стремилась. Всё, чего я страстно желала. О чём мечтала. Чем жила последнее время.

Я складываю осколки воспоминаний в мозаику мысленного письма. Письма, которого никогда не отправлю...

"Ты – фантастическая женщина!"

Сколько раз я слышала от тебя эти слова.

Поэтому так страшна для меня оказалась твоя ложь. Именно она – всегда показатель слабости или страха, отсутствие силы духа признать или сказать правду.

Нет, ты не оставил меня. Меня – необыкновенную, фан-

тастическую, удивительную и сексуальную, с твоих же собственных слов. Ты просто оставил меня наедине с твоей ложью.

Ты говорил очень простые и такие мужские слова:

– Я не могу дать тебе никаких обязательств сейчас.

– А когда? – наивно спросила я, уже догадываясь, какой будет твой ответ.

– Позже, – согласно моим догадкам ответил ты.

– Позже – это значит – никогда, – моё понимание было категоричным.

– Нет, – возразил ты. – Позже. Это значит только позже.

Умом понимала последние месяцы: что-то не так.

Но ведь как хотелось, чтобы и дальше всё было так сказочно, и как сладок этот обман самой себя, когда всё ведь можно объяснить разумно, с точки зрения своей самодостаточности.

Хаха! Теперь понимаю тех женщин, которые кидаются в ноги уходящему мужику и кричат: " Куда??? Не пущу!!!"

Вся гордость и высочайшая самооценка, остались где-то там, когда ещё было упоительное состояние личного счастья любимой женщины.

Когда на всё и всех смотрелось так это свысока: " Ээх, вы, нелюбимые! Не фантастические и не удивительные, вы!"

Где-то внутри меня, заполняя собой всё пространство, рос и надувался огненный шар боли. Всполохи этого незримого

шара обжигали самой настоящей физической болью.

В горле стоял ком обиды, дышалось с трудом. Ноги казались ватными. Стоялось тоже с трудом.

Теперь я могла себе это позволить – сползти по стенке, и, не взирая на толпы людей вокруг, терзать себя воспоминаниями о случившемся.

Потому что все свои силы я потратила на то, чтобы держаться при тебе до самого прощания при отъезде.

А какими необычными, шальными вихрями всё начиналось.

Как это было легко, весело и непринуждённо.

Увлекаемая этими шальными вихрями я была всё это время. Ни есть, ни спать, ни работать не могла...

Эмоции фейерверками взрывали мозг, солнечное сплетение и ещё где-то ниже.

Вся в своих облаках, с придурковатой улыбкой на лице. Да и оно в свою очередь имело, наверное, совсем уж придурковатый вид.

Как же и чем ты смог так зацепить меня?

Мы не один раз вспоминали, кто начал знакомство на сайте; мне почему-то всегда казалось, что это я первая проявила к тебе интерес, который и отослала тебе, по условиям сайта, в виде банального «сердечка».

А вот только сегодня, после расставания на перроне,

вспомнила в поезде мельчайшие подробности.

На международных сайтах знакомств я давно уже не новичок. Листать анкеты потенциальных заграничных женихов ещё интереснее, чем каталоги интернет-магазинов одежды.

Бывает как-то странно: то сплошь идут брутального вида мачо. А в следующий раз приходится отпихиваться от потока самых разных противной наружности стариканов.

Сидишь, листаешь и удивляешься: «Нет, полно же в мире придурков?»

А потом снисходительно и подобреешь в суждениях: «Ну, а что ж? Теплоты и нежностей-то всем хочется...»

Мне очень понравилась твоя визитная карточка-представление: было так сдержанно и достойно написано. Помню даже первые строчки – " well educated, good work".

Осталось впечатление о твоей достойной презентации: ничего лишнего, напускного или примитивно-зазывного не было.

Заглянула в анкету, там тоже было всё пристойно.

А ты был on-line и тут же прислал ответное «сердечко-интерес».

А следом и первое письмо.

Очень короткое, но и не банальное "Hi, dear. How are you?", присылаемое большинством претендентов на завязывание отношений.

И как-то так быстро всё закрутилось-завертелось, так

быстро...

Даже помню, о чём ты писал, и что я отвечала.

Это когда после обмена местами жительства и пояснений о моём Владивостоке, ты сообщил, что был с сыном в Японии, а я пошутила, что жаль, не знала этого, а то помахала бы рукой самолёту.

Расставаться уже в тот же вечер не хотелось, зацепились энергиями.

Но, для меня же сон – это святое, девичьей красоте нельзя без восьмичасового сна.

Договорились встретиться на сайте на следующий день.

Честно говоря, особо и не надеялась, как-то всё внезапно случилось.

А на следующий вечер зашла на сайт, и ты уже ждал...

Приятно было, что не забыл.

Мне нравятся люди, которые пунктуальные и слово держат. Сама такая.

Скорость чата зашкаливала.

Стучали сообщения так, что они отсылаться не успевали.

Я не вытерпела и позвонила по Viber.

Какой раскатистый и заразительный был твой смех, когда ты взял трубку: понял, что я не выдержала накала переписки, и первая сорвалась на звонок.

С этого вечера уже не расставались: звонки каждый вечер, разговоры бесконечные – ни о чём и обо всём.

Тебя очень удивило, что я не спрашиваю о работе: наверное, думал, что это основной вопрос русских невест; как бы косвенная наводка о состоянии благосостояния...

Когда сказал, что анестезиолог, стало ещё интересней – я же не могла промолчать о своём героическом реанимационном прошлом.

И фотографию выслала незамедлительно соответствующую, со времён этого самого героического прошлого: вся я при полном "реанимационном" параде: в халате с завязками под самые уши, маска от шеи и до глаз, и по нашей же, медицинской моде тех лет, шапочка, да нет – колпак высотой в треть метра.

Вот ты искренне удивлялся, рассказав после, что неоднократно встречался по работе с российскими медиками:

– Ну, странная у вас мода на эти высокие колпаки?!

Так многозначительно сказал, что у тебя ещё есть своя клиника, и как-то удивился, не услышав моего внимания к этому.

Наверное, хотел поразить, а я не повелась.

А мне, честно говоря, уже тогда было, собственно, безразлично, кем ты там работаешь, хоть бы и сиделкой-санитаром.

Мечталось мне в то время выдать себя замуж в Новую Зеландию. Или в Австралию. Почему-то мне туда очень уж хотелось.

Ты рассказал, что родом из Египта, араб по национально-

сти. Родители были известными врачами-офтальмологами, и, соблюдая традицию династии, тоже получил медицинское образование. Вот только работать после университета решил в Швеции, для чего за три недели выучил шведский язык, после того, как получил приглашение на работу в шведскую клинику.

Швеция не завела как-то, что-то мало я о ней думала в то время.

Так только, из перестроечной "Интердевочки" что-то остаточное вспоминалось, и то, исключительно связанное с "Вольво".

Сближение шло лавиной. Так приятно было нам разговаривать, легко и не задумываясь о теме разговора.

Так это всегда и было: никогда темы не заканчивались, всегда находились. Каждый говорил то, что мог сказать другой. Каждый думал то, о чём думал другой.

Я спрашивала:

– Как такое может быть?

– Perfect match, – невозмутимо кивал ты головой, – у нас с тобой – совершенное совпадение, подходящая пара...

А мне надо было ехать в командировку в Комсомольск-на-Амуре на завод, состоящий в структуре нашего холдинга.

Ну, думаю, тут-то всё знакомство и закончится: дорога, да занятость по работе, да Wi-Fi, как всегда подведёт; так и

потеряемся.

И вот именно с этой командировки, с этого твоего сопровождения меня в дороге – круглосуточно!! – и началось моё вовлечение в тебя.

Я и до сих пор не понимаю – а когда ты спал и работал? как давал наркоз на операциях? 24 часа на контакте! Full contact.

Эмоции били какими-то токовыми разрядами: прямо от твоего игрушечного, затерянного в шведских снегах Сундсвалля до совдеповского Комсомольска.

Первое удивление началось, когда ранним-ранним утренним сообщением ты поинтересовался – проснулась ли я вовремя и готова ли в путь?

Это было неожиданно, потому что я и не вспомню теперь, когда за многие годы моей взрослой и самостоятельной жизни, кто-то вообще интересовался организацией моих действий.

Так и вышла к такси с телефоном в руке.

Так и домой вернулась через неделю, не выпуская телефон из рук, как будто это ты меня за руку держал, и я тепло твоей руки чувствовала.

С тех пор я так и жила с телефоном в руке.

Дина Халиулина, коллега, с которой вместе ехали в командировку, наверное, загадывала со мной всеми популярными сплетнями компании обмениваться. Не получилось у

неё интерес свой удовлетворить.

К чему мне её компания, когда тут телефон в руке волны твоего тепла передаёт.

За всё это время спал ты ровно один час – час моего полёта Владивосток-Хабаровск. Потому что всё остальное время моей пятичасовой дороги Хабаровск-Комсомольск на Амуре ты использовал все возможные символы чата, чтобы выразить: первое – мою самоотверженность в выборе места назначения (представляю, какой это дикий край в представлении твоей евро-спокойной стране), и, второе – удивление по поводу интернет – связи среди лесов и возможных медведей.

А я помню, как удерживая заряд батареи телефона на минимальных значениях практически горячими молитвами, бежала, стремглав, в замеченные по дороге кафе дальнобойщиков, убеждая нашего водителя, что мне жизненно необходим туалет.

Потому что, только так я могла, хоть на пять минут выпитого водителем кофе, поддержать на зарядке батарею своего телефона, а, значит, и наш контакт.

Что должно было возникнуть между двумя взрослыми людьми, прожившими немалую жизнь, в совершенно разных странах – по идеологии, развитию, уровню жизни, и вообще, кардинально разных – чтобы возникло это всепоглощающее для обоих чувство единения двух нас через весь мир и обособление двух нас в этом мире?

И ведь я знала, что это было абсолютно искренне; я чувствовала это, находясь от тебя за много десятков тысяч километров.

Хорошо, что в первый день командировки мы практически не работали.

Не знаю, из каких таких побуждений Дина Халиулина ежедневно являла свою безграничную круглосуточную работоспособность подчинённым и руководству, но вот именно с той командировки у меня как-то незаметно исчезло желание работать на благо любимой компании 24 часа в сутки. Потому что все эти 24 часа в сутки из 24 возможных я уже хотела быть на связи с тобой.

Да что там – хотела быть? Я уже жила с тобой в нашем совместном, только виртуальном мире.

Это наступило время, когда хотелось делиться каждой пришедшей мыслью, каждой попавшейся на глаза картинкой, обсуждать каждый свой шаг, и в какую сторону он сделан.

И летели, летели ежеминутные телефонные фото с запечатлёнными мгновениями двух разных жизней людей, между которыми территория почти целого полушария...

– А вот, сколько снега вокруг! Это – Комсомольск!

– А это – сонный утренний Сундсвалль!

– А смотри, это смешной парень на ресепшн в отеле!

– А смотри, какая глупая татуировка на плече моей паци-

ентки!

– Ой, а у нас скоро Пасха! А у вас?

– А у нас: я мусульманин, но давно уже атеист!

– А у нас на заводе куличи сейчас напекли! А батюшка их освещает! Ааааа, и меня благословил! Я буду счастливая!

– А я хочу теперь быть рядом и вместе с тобой!

– Да ты просто хочешь пристроиться к моему счастью, ха-ха!

Волшебные минуты обоюдного единения.

Всегда ориентируюсь в новых знакомствах – есть ли это желание разделить каждую минуту своей жизни с партнёром или нет.

А если нет – то, значит, и нет желания быть единым целым.

Это только, когда есть такое желание, можно посылать ежеутренние сообщения " С добрым утром!", несмотря на разницу во времени, позёвывая, но, не давая себе уснуть, дожидаться, когда время на другом конце земного шара наконец-то станет утренним.

Иногда мы срывались, не выдерживая накала ожидания, и смайлы-поцелуйчики шли гораздо раньше, чем начиналось твоё или моё утро.

И уже не было у меня мысли о здоровом продолжительном сне и красоте девичьей.

Была только одна мысль: успеть.

Успеть ещё до работы побыть с тобой в телефонном контакте, почувствовать твоё нетерпеливое желание разбудить меня раньше, просто потому, что ты уже не можешь больше ждать.

Я помню эти моменты, когда даже через корпус телефона можно почувствовать тепло тела своего партнёра и даже ход его мыслей.

Мы просто становились единым целым; единым целым организмом, где роль сосудов и связок играли мегабайты наших сообщений друг другу.

Пulsация эмоций. Фонтан эмоций. Взрыв эмоций – вот, что это было.

Да... Работа... Я искренне старалась делать умное лицо. По крайней мере в присутствии руководства завода...

Но как только можно было не париться о представлении делегированного лица управляющей компании, я опять уходила глубоко в телефон, и уже даже не стеснялась своих сотрудников, хотя прекрасно понимала, как смешно выгляжу на самом деле, ну ведь не девочка же.

Было чувство, что в эти моменты вся моя душа, всё моё нетерпеливое и всё ещё молодое нутро, каким-то непонятным вектором концентрировалось на телефоне.

И я могла чувствовать тебя, чувствовать даже тепло твоих пальцев, набирающих текст.

Гостиница всегда предоставлялась хорошая.

Самая лучшая для сотрудников управления управляющей компании.

Но, кажется, для меня вполне бы хватило и привокзальной скамейки, только если бы на ней были так мне жизненно необходимые wi-fi и розетка для зарядки телефона.

Ох, уж этот подлец был iPhone 5! Он разряжался молниеносно, подводил меня в самую неподходящую минуту, когда сердце и дыхание замирали от ожидаемого ответа.

Я могла находиться только в присутствии, ну, или, по крайней мере, в шаговой доступности от электрической розетки.

Получив ключи от номера, кивком головы согласившись со всеми правилами проживания и режимом работы ресторана (ну, не в первый же раз!), не дожидаясь лифта, метнулась по лестнице на свой пятый этаж.

Потому что там, за закрытыми дверями гостиничного номера, можно было оказаться наедине с тобой, с собой, со своим стучащим где-то в горле сердцем, блаженной улыбкой влюблённой идиотки, и со слившимся с рукой телефоном, мостиком напрямую к тебе.

Но – прошу заметить, признаюсь честно! – влюблённой ещё не в тебя, нет... Была влюблённой в появившуюся, так неожиданно ситуацию, когда можно почувствовать себя

влюблённой и привлекающей кого-то сквозь десятки тысяч километров расстояний.

Не помню, что я ужинала в этот вечер.

Ну, во-первых, на заводе был довольно приличный обед в заводской столовой, вкуса которого я вообще – то и не понимала, витая в своих облаках мыслей. А во-вторых, бутылочки холодного пива и пакетика чипсов с мини-бара было вполне достаточно для меня, чтобы утолить голод.

Да и не голод, собственно, а так, поставить галочку в режиме дня.

И – предвкушение целого вечера вдвоём, без отрыва на всякие " мелочи", типа приготовление ужина дома или решение рабочих вопросов в командировке.

Первый сеанс чуть не вышел комом.

На звонок Viber метнулась ещё голая, а ты уже включил камеру.

Уж не знаю, какая из моих подмышек попалась тебе на вид, ты просто понял, что застал меня врасплох и деликатно переключился с видео на звонок.

Немного времени, и – полная готовность: телефон на зарядке, душ быстренько принят (ну, не вагоны же разгружала!), волосы небрежно уложены. И халатик гостиничный – махровый, белый, пушистый – очень к лицу, слегка подпоясан дозированно, но так, чтобы мог легко приоткрыться, в случае необходимости.

А, кстати, это ведь был первый видео-сеанс, до этого мы только говорили по телефону. Почему – то нахождение моего Сынулика дома вечерами останавливало меня... или сковывало... не могла я при нём никогда с тобой разговаривать свободно.

Наверное, потому, что знала, знала, что он почувствует этот накал моего нового чувства, и будет страдать от этого.

Ведь он всегда был уверен, что в моей жизни было только одно большое и искреннее чувство – к его отцу.

Аллилуйя! Хвала передовым IT-технологиям и интернету! Свершилось!

Состоялось-таки первое свидание.

Перед этим мы ещё немного поболтали по телефону, ты прислал мне selfie, первую, из которых я потом собрала целую галерею.

До сих пор не решаюсь её удалить, переместила всё на флешку, чтобы на глаза не попадались; но удалить бесповоротно не хватает мужества.

Да и зачем? Ты в любом случае останешься частью моей жизни, и одной из самых лучших её частей. Пусть будет.

Ну что сказать про это selfie... Рассматривала пристально. Какая же прелесть эти смартфоны теперь!

В каждую ноздрю залезла, и всего-то, раздвигая пальцами

экран.

Не красавец, конечно, сразу поняла; да и не ожидала красоту какую-то найти, фотографию твою в анкете сайта виде-ла.

Но первое впечатление так отчётливо помню: твои глаза. Глаза остановили сразу: серьёзные, холодные, печальные.

Не удержалась, сказала тебе об этом:

– Кто же так больно тебе сделал, что эта боль живёт в твоих глазах? И возможно ли сделать их счастливыми? А если я попробую?

Да, вот не искоренишь из нас " простую русскую бабу". Дай только кого-нибудь пожалеть, да приголубить, да сча-стьем наделить...

А надо было тогда ещё понять или задуматься: – А нужно ли тебе это моё счастье? Готов ли ты его принять? И вообще, хочешь ли ты этого?

Даже сейчас пытаюсь разграничить, что это было всё-таки? что останавливало тебя: боль предыдущего опыта или холод твоих постоянных внутренних установок?

Теперь склоняюсь к последнему...

Но что привлекало бесконечно: твой голос.

Даже не сам тембр голоса или что там ещё есть в харак-теристиках.

Интонация.

В интонации была какая-то особенная проникновенность. Интимность была в этой интонации. И ещё – бесконечная сексуальность.

Я болтала обо всём подряд. Я несла всякую чушь, даже не задумываясь об английской грамматике и словарном своём запасе – само лилось...

Все секреты рассказала, все мелочи про себя высказала, а ты только подбадривал "tell me, tell".

И такой неприкрытый интерес в этих твоих заводных словах был, как-будто ты хотел узнать о каждом дне и часе моей прошлой, ещё до тебя, жизни, ничего не упуская.

Решение встретиться пришло мгновенно на ум каждому из нас. После первого же сеанса по скайпу.

Стало ясно, что в каждом из нас случилось что-то, что громко требует ясности и определения.

Мы стали близки душевно, теперь хотелось близости телесной. Срочно. Right now. Immediately.

Казалось, даже месяц невозможно провести, не познав друг друга в реале.

Это касалось вопроса "когда?".

Вопрос "где?" тоже долго не обсуждался; главное – быстро, быстро!

И без визы для меня, потому что, надо – быстро!

Так и выбрали Сеул.

А для меня он всегда был знаковым местом – моя первая счастливая «заграница», моё счастливое "возрождение" после душевных потрясений.

Я просто была уверена, что визит в Сеул снова станет для меня незабываемым посещением.

Так оно и вышло.

Собиралась тщательно: нижнее бельё выбиралось с жесточайшим отбором с осмотром по всем ракурсам. Я ещё не знала, что оно мне, собственно, вовсе и не понадобится. Как и во всех последующих встречах с тобой.

Только зря везла. Как, впрочем, и все остальные вещи тоже. Кому из нас они там были нужны? Ни тебе, ни мне.

Потому что было только одно жгучее желание быть голыми телами рядом, чувствовать друг друга кожей тела, пульсировать вместе.

Но, если честно, летела в Сеул не с какими-то определёнными чувствами, а подзадориваемая только жгучим интересом: а что же будет?

Да уж, порядочная доля авантюризма во мне присутствует всегда.

Всю свою жизнь я подчиняюсь определённому своду правил, ограничений и внутренних указаний, а потом, только один миг – и всё это летит к чертям собачьим, и устремляюсь я в бурную пучину приключений без всяких уже тормозов.

Выходить из самолёта не торопилась, всё-таки, девушка же должна на свидание чуть-чуть опоздать, хоть и свидание через весь материк и семь часовых поясов.

Помогла сидевшей рядом на соседних местах корейской пожилой чете, летевшей к дочке в гости; в первый раз вылетели из страны вообще, всего опасаются, ничего не понимают, боятся потеряться.

Довела их до выхода, сдала на руки дочке и увидела тебя.

Я тебя сразу узнала.

Ты стоял, подперев колонну спиной и что-то сосредоточенно ковырял в телефоне, даже не оглядываясь по сторонам.

Я обошла тебя сзади, бросила сумку и закрыла твои глаза ладошками.

– Surprise!!

Эффект неожиданности и нестандартного начала смёл все, так и не возникшие неловкости первого момента первой встречи вживую.

По-моему, я сразу заработала первые 100 очков в свою "копилку" необыкновенности.

И стало так легко...

Как будто разъезжались просто по разным делам, а теперь вот – встретились опять.

И даже твои поцелуи, которые последовали незамедли-

тельно, сразу показались совершенно органичными.

А твоя рука, уверенно забравшаяся мне под футболку уже в автобусе, так и вовсе чувствовалась именно на своём месте.

Что было дальше, хронологически не помню вообще.

Автобус. Метро. Маленький отель. Угловой номер с окнами от пола до потолка.

Ты сказал:

– Окна затемнённые. Мы всё видим, нас – нет.

Отбросив по сторонам сумки и обувь, ворвались в номер.

Какое – то дикое переплетение тел, рук, ног, языков и всех остальных частей тел.

Только почему-то помню застрявший на одной моей ноге носок, который, не то, чтобы меня беспокоил, но, как-то мешал мне принадлежать тебе полностью в моей тотальной наготе.

А оторваться от тебя ради какого-то носка было попросту невозможно! Да и хрен с ним...

Поздно вечером всё-таки решили сходить поужинать.

Но только – рядом. И – быстро.

И опять назад, в номер, вбирать друг друга – телами, словами, поцелуями, мыслями, всеми энергиями.

И в таком пьянящем угаре прошли все четыре дня.

Нет, конечно, к вечеру выбирались из номера, чтобы вздохнуть свежего воздуха и подкрепиться пищей.

Это было самое сложное – выбраться из кровати.

В течение дня попыток было несчётное множество.

Но, перебираясь через друг друга обязательно застревали...

И каждый раз обменивались решающими доводами друг для друга (или самим себе?):

– Но мы ведь никуда не торопимся?

– И мы ведь не опаздываем никуда?

– И нас никто не ждёт!

И после этих слов – возвращение назад, в пучину наслаждения друг другом, когда, казалось, весь мир остался где-то далеко – далеко, вообще в другой галактике.

Буйство страсти... Бесконечное наслаждение чувственностью, граничащее уже с безумием, когда кажется невозможно вернуться в свою физическую оболочку... как из другого измерения...

Близость отеля к набережной реки Ханган давала нам возможность совершать вечерами небольшие прогулки на свежем воздухе.

А однажды мы даже взяли напрокат велосипеды, решив прокатиться по специально выделенной велодорожке вдоль всей набережной.

Ты уже успел рассказать о своём любимом времени проведения отпуска, кроме путешествий в отдалённые уголки мира.

Ну, конечно... Camping, bycycling и canoeing – это ведь так по-шведски.

Ты сразу признался, что твоя женщина должна разделять твои увлечения.

Последний раз (да, скажу честно, и первый!) я провела ночь в палатке в возрасте этак 14 лет, совершенно, не придя от этого в восторг.

А последний раз (а ведь скажу честно, и первый также!) езда на велосипеде была мне доступна в маленьких портах Японии, да и была она вовсе не успешна, ехать-то я ехала, крутила педали; а вот в узкости проездов категорически не вписывалась.

Но для тебя хотелось соответствовать лучшим мировым стандартам или, по крайней мере твоим ожиданиям.

Поэтому, важно и утвердительно покивав головой в знак согласия на велопрогулку, мне не оставалось ничего иного, как последовать за тобой.

На велосипед я села. И даже поехала. Правда, позабыв от волнения, что тормоз имеется на руле, и не надо, как на детских велосипедах времён моего советского детства проворачивать педали назад.

Обернуться назад я не могла. А вдруг прогляжу, что впереди?

Поэтому села и поехала вперёд. Даже не оглянувшись на

тебя и не сказав Вуе.

Боялась упасть, и так неприглядно перед тобой выглядеть. Смотрела только вперёд, не смея от неуверенности в умениях своей езды и оглянуться-то по сторонам.

А, завидев перед собой, даже вдалеке, какого-нибудь пешего, иступлённо и отчаянно, шипела ему:

– Мистер, а, мистер! Иди нах, отсюда, пожалуйста!

Докатилась я таким образом до более-менее пустынной местности, свободной от пеших бегунов и профессионально катящихся велосипедистов.

Было чувство, что я уже в пригороде Владивостока, или в Пхеньяне, по крайней мере. Так долго я катилась, боясь оглянуться по сторонам и остановиться.

Остановилась, снизив скорость до минимальной, попутно тормозя подошвами кроссовок. Ну, для уверенности и безопасности торможения, наверное.

Никого. И пока никто не видел моего позора, развернулась, опять же с помощью обеих ног для надёжности, в обратно-противоположном направлении.

Вздыхнула-выдохнула от проделанных манёвров и покатила уверенно назад с чувством всё возрастающей гордости за улучшающиеся качества своего вождения.

Неспешно подкатила к стойке оформления байков. Позорненько и кривовато так припарковалась, поставив свой тихонечко к стенке.

Оглядевшись по сторонам, убедилась, что вернулась во-

время, не превысив время аренды, но тебя не увидела.

Так что, спокойным образом, присев на скамеечку, стала восстанавливать дыхание, повреждённое испугом от езды.

В общем, когда ты подъехал, вид я уже имела весьма непринуждённый и расслабленный.

Удивило только, что вернулся ты каким-то молчаливым и сдерживающимся.

Я болтала о пустяках, даже не задумываясь о вероятных причинах такого твоего поведения.

И уже пройдя приличное расстояние от этого пункта проката, ты резко остановился и спросил меня:

– Где ты была?

И снова мой привитый с детства и взращённый перфекционизм не позволил признаться, что это только от плохого умения езды на велосипеде, я уехала, не оглянувшись и не попрощавшись, не подождав тебя. Чтобы избежать такого конфузного и возможного падения прямо на твоих глазах.

Но ты-то рассудил, что я просто пренебрегла прогулкой вдвоём и рядом, как виделась тебе эта идиллическая картинка задолго до нашей встречи. Ведь у каждого свои визуализации желаемого.

А мне и невдомёк была вспышка твоего гнева. Даже смешно, когда ты позже, уже успокоившись, рассказывал о своих поисках меня со словами:

– Where is this fucking woman with this fucking bicycle??!!

Обидело только – ну почему же я fucking? Ну, всего лишь, покаталась отдельно.

Не поняла я тогда сразу, что не так ты обо мне встревожился, наверное, как о той нарушенной картинке, которую ты так предвкушал.

А я и до сих пор понять не могу, почему вдруг это так романтично – вдвоём на велосипеде кататься? Какие-то шведские приколы.

Тогда ты в первый раз сказал мне, что, если чем-то рассержен или расстроен, лучше оставить тебя в покое на какое-то время и дать тебе остыть самостоятельно. Ну и ладно, подумаешь...

Я вообще-то и раньше никогда не подбирала особенные тактики или слова с мужчинами.

Не задумываясь, говорила то, что хотела сказать.

Для этого была веская причина – я всегда была уверена, что глупости не скажу; а то, что скажу или спрошу имеет для меня значение.

Так и с тобой поначалу. Сидя в кафе и поедая мороженое за какой-то лёгкой болтовнёй я брякнула:

– Да я и вообще тебя-то не знаю. А, может, ты обычный секс-турист, коих полным-полно в интернете?

Ты прямо задохнулся от возмущения и обиды. И я впервые почувствовала себя виноватой: ну вот, обидела человека

ни за что, ни про что.

Однажды мы даже выбрались на прогулку по реке на катере. Не знаю для чего. Ну не для того ведь, чтобы любоваться видами суперкрутого урбанистического Сеула по обеим берегам.

Только для того, чтобы быть рядом и вместе, чувствовать друг друга бок о бок. А где и куда? Да разве это важно?

Целые семейные корейские кланы с детьми и стариками, почтенного возраста супруги, милые смешливые влюблённые парочки, кормящие чаек и – мы с тобой.

Определённо отличались по внешнему виду.

Дурачась, я примерила твою чёрную кожаную шляпу:

– До чего же хороша! – я не собиралась скромничать перед тобой.

И вдруг: мощное – блямс! Прямо мне! И прямо на твою шляпу!

Чайка, очевидно, не сдержала чувство умиления и восторга, опознав на этом катере самую счастливую парочку.

Корейцы смущённо хихикали, боясь обидеть нас такой реакцией.

Но – какое там! Нам любой повод для безудержного веселья был хорош.

А вслед за нашим приступом веселья и заразительного смеха осмелились всё-таки смеяться и учтивые застенчивые корейцы, но, протягивая салфетки для уничтожения причин

такого внимания.

На экскурсию мы всё-таки вырвались. Хотя и в последний день.

С нами была ещё одна пара из Америки: он типичный американец, типа "парень из Техаса", а она корейка, его звали Дэвид, а её Чу.

Они очень веселились, когда узнали, сколько дней мы в Сеуле и только сейчас едем на первую экскурсию. Они всё поняли.

От нас разило сексом.

Мы его излучали и выдыхали.

Он витал в воздухе между нами.

Он был в наших глазах, в нашем смехе, в движениях наших тел.

Мне показалось, что они нам даже немножко позавидовали.

Ну, по крайней мере, я это почувствовала в обращении Чу ко мне в ресторане. Передавая мне какое-то блюдо, она обратилась ко мне "honey" таким тоном, как говорят "милочка", когда хотят зацепить.

Да, мы излучали какую-то бескрайнюю сексуальную энергию вокруг себя.

Именно поэтому, я думаю, к нам неслись просто толпы корейнок, чтобы сфотографироваться на фоне нашей живописной пары.

Они, наверное, хотели ухватить кусочек этой нашей энергии, и нам не было жалко ничуть – ведь у нас её было так много.

И, тем не менее, несмотря на новизну и полноту ощущений, я всё-таки осталась верна себе и сделала несколько попыток определить, обозначить для себя и по возможности растянуть границы дозволенного.

Наверное, это в первичности натуры каждой женщины – натянуть удавочку на шее своего мужчины, обозначив, так сказать, принадлежность себе.

Не вышло.

Совсем не вышел этот так часто мною применяемый трюк, и как я губы не дула, не стала такими мелкими провокациями портить наше создавшееся единство.

Вовремя поняла, что ты не дашь мне такой милой возможности – натянуть на тебе поводок.

Я это почувствовала.

Так что лучше испытывать ранее неизвестное чувство близости душ, слушая перед сном музыку, деля наушники на двоих.

И даже в этом чувствовалась такая интимность и единение.

Последняя ночь обещала быть незабываемой, впрочем, как и все предыдущие.

К ней даже решено было подготовиться: ну, там, что-нибудь типа клубники, благо в это время на неё в Корее сезон, всех размеров и сортов.

– Какую клубнику купим? – спросила я тебя на базаре, не подозревая, какую неприятность повлечёт за собой этот мой невинный вопрос.

– Какую выберешь, ту и покупай, – небрежно ответил ты.

Что значит, покупай? Я как-то не привыкла тратить свои деньги, когда мужчина рядом. Тем более, для таких обоюдных нужд.

– Я, может быть, и в ресторанах за свою еду платить должна была сама?! – Не пытаясь скрыть едкую язвительность, вспылила я. – Предупреждать надо было!

Я не могла до этого представить тебя в таком бешенстве. Думаю, ты даже не пытался сдерживаться.

– Мы хорошо провели время. На этом и закончим. – сказал ты.

Именно в этот момент мне вдруг стало реально страшно тебя потерять.

Какой-то животный страх, когда кажется, что земля уходит из-под ног и в животе становится пусто и тошно. Так что не я, а ты, и именно тогда, на меня поводок и накинул. Накинул, затянул и ещё немножко подёргал – для надёжности.

А этот панический ужас остаться без тебя так и поселился внутри меня с тех пор.

Без твоих нежных, между делом поцелуев в макушку.

Без лёгких прикосновений твоих губ просто так, без всякого повода.

Без чувства надёжности твоей большой руки, в которой покоилась моя ладошка, когда мы гуляли просто по улицам.

Без этого вот жеста собственника, когда ты, не отвлекаясь от темы разговора, начинал заправлять прядь моих волос мне за ухо.

Интересный этот жест, между прочим...

В период знакомства и первых встреч мужчины любят, когда волосы распущены, свободные – это так сексуально.

Но уже в первые же сексуальные баталии они даже не замечают, как начинают наматывать наши волосы на руку.

Какая-то первобытность в этом проявляется, не иначе.

А следующий этап превращения прекрасной сексуальной незнакомки в личное имущество с частичным или полным устранением сексуальной привлекательности для других мужчин – это вот именно этот жест: заправленная прядь волос за ухо, чтобы ушки торчали, как у серенькой мышки-норушки.

И ведь это ты поднял тему женитьбы.

Сказал: «Сейчас и сразу, как бы это бредово не звучало!»

Ну, кто же женится через пять дней знакомства.

Потом согласился, что это, конечно, скоропалительно, и,

по крайней мере, мне бы не помешало приехать к тебе в Швецию и просто посмотреть, где и как ты живёшь.

У меня же, после нашей неистовой встречи, в голове был сумбур, и я так чётко о своих желаниях не задумывалась.

Мне достаточно было понимать, что – да, что-то между нами случилось, и это что-то начинает жить своей жизнью.

На том и порешили.

Твой рейс был раньше моего.

Проснулись рано.

Конечно, не обошлось без последнего "прощай" наших тел, уже измучивших, но всё ещё желающих друг друга.

Казалось невозможным оторваться друг от друга не только на какой-то неопределённый срок, а даже на любое определённое время, типа завтрака.

Не торопясь ехали в аэропорт на метро, обсуждая какие-то очень важные темы для понимания друг друга, ещё большего погружения друг в друга.

И вот это твоё целование в мою макушку – именно сам процесс целования, а не конкретно взятый поцелуй или несколько поцелуев – это показывало, насколько мы сейчас близки, просто одно целое. Как разорвать это единство расстоянием? Как расстаться даже на мгновение, а не на неопределённое время, границы которого в те моменты ни ты, ни я ещё не знали.

– Я жалею только об одном, – сказал ты.

– О чём же? – было моё удивление; казалось, всё было так безоблачно в эти несколько дней.

– Я не взял ничего на память о тебе. Чтобы помнить твой запах. Чтобы казалось, что ты рядом со мной.

– Вообще не проблема! Подожди меня здесь. Дай мне минутку.

Даже не осознавая толком, что я намерена сейчас делать, я забежала в сеульский метрополитеновский туалет (благо, по чистоте и стерильности он может быть приравнен к операционной нашей какой-нибудь районной больницы), сняла свои кружевные стринги и вернулась к тебе.

– Вот, возьми! Может, это поможет помнить обо мне и ощущать меня рядом? – я так искренне хотела укорениться в твоей жизни.

И так искренне хотела оставить в ней след...

Стала замечать, что часто ставлю многоточия.

Вспомнила изречение кого-то из великих и значимых: "Многоточия – это следы тихонько ушедших слов". Да, именно так. Когда за написанными словами стоят незабытые эмоции – это многоточия.

Я проводила тебя на твой рейс.

Проводила со всей привязанностью моей женской души, со всей её искренностью и привязанностью. Вернулась в свой

gate. Включила Любу Успенскую в MP3, и началась моя жизнь в параллельном мире... мире разлуки с тобой.

Я повторяла любимые треки вновь и вновь, хотя знала мелодии и слова наизусть.

Как так получается, что все людские отношения, ситуации и переживания, оказывается, схожи у всех людей?

Неужели, Создатель решил, что мы не заслуживаем индивидуальности, и создаёт только копии, и всё это было уже, и есть, и будет после нас?

Я долго, очень долго после нашей истории не слушала песни Успенской. Они – вещи. Обладают даром предсказания. А я так не хотела предсказания расставания.

Я боролась с этими, как могла; всеми доступными мне методами, даже, если они выглядят так глупо.

И опять полетели ежедневные selfie.

Так проще было жить вместе, хотя и не рядом.

Думая друг о друге каждый возможный момент.

– Смотри, какие весенние цветы у меня! Мы называем их – ландыши.

– Красивые... А смотри, в нашем супермаркете тоже такие продаются! И я купил.

– Пришли мне своё фото. Immediately. Right now. Пожалуйста. Скучаю сильно.

– Это ты где, в операционной?

– В туалете, haha.

– А я думала, в операционной! А ты зачем из туалета фото прислал?

– Ну, ты же просила: *immediately, right now*. Я и прислал. А это самое укромное место в госпитале во время дежурства. А какое на тебе сегодня нижнее бельё?

Недолго думая, расстёгиваю костюмные брюки под офисным столом (благо, у меня отдельный кабинет. Но, ведь, вдруг кто зайдёт!), делаю мгновенно снимок и отправляю красочную картинку кружевных трусиков на мне.

– OMG! Хочу тебя прямо сейчас! Смотри как сильно! – тут же получаю фото от тебя, как доказательство сильнейшего желания.

Всё, что ни попадя, вся протекающая параллельно жизнь, все отображающие её моменты, от снимков коллег во время утренних совещаний в моём офисе и твоём госпитале, до фотографий готовящихся на обед или ужин блюд, мои горделиво показываемые асаны йоги и твои смешные потуги победы над хула-хупом, ссылка на понравившиеся песни или мелодии, рецепты, статьи об отношениях в журналах – всё, абсолютно всё, было нами пересылаемо друг другу, обсуждаемо друг с другом, а потому казалось, что и нет между нами этого огромного расстояния, и мы каждый миг рядом.

Я ни о чём не жалею.

Но мне очень хочется попросить прощения у моего Сы-

нулика.

Потому что, в то время во мне напрочь исчезла мать.

То, что во мне исчез ценный работник компании, я поняла ещё во время предшествующей командировки. Хотя всегда до этого так гордо презентовала себя так: " Я родилась на радость моим родителям, преподавателям и работодателям!", имея в виду, что дисциплинированность и ответственность всегда были основными моими показателями и стояли в приоритетах.

В системе главных приоритетов во мне исчезла мать, и осталась только какая-то первобытная самка с идиотской улыбкой на блаженном выражении лица в ожидании следующего сообщения.

Самое ужасное, что в это время у Сынулика в отношениях произошёл разрыв с девушкой, и я видела, как тяжело ему видеть меня в этом летающем состоянии на фоне краха его ожиданий. Но я ничего не хотела замечать и ничего не могла с собой поделать.

До того ли было мне. Я не смогла тогда быть рядом с ним, чтобы хоть как-то облегчить боль его разрыва, и от этого чувствую так гадко себя до сих пор.

Потому что мужчины приходят в нашу жизнь и уходят, а сыновья – это единственные мужчины, которых никогда не разлюбишь.

Вопрос следующей встречи особо даже не обсуждался: ко-

нечно же, как можно быстрее.

Останавливала по срокам только ваша поездка с сыном в Нью-Йорк на две недели твоего отпуска. Я не сразу поняла, что значат для тебя дети.

Даже поначалу неудачно пошутила:

– А не воскресного ли дня ты отец?

На что получила бурную реакцию твоего негодования:

– Никто! Слышишь, никто в этом мире не скажет обо мне, что я – отец выходного дня!

Я как-то тогда не очень поняла накал такой реакции.

И только недавно меня озарило: Да ведь все наши отношения были только доказательством "от противного" для твоей независимой самодостаточной шведской экс-жены: и по отношению к детям, и к вопросу твоей личной организованности (меня поразила напрочь ещё в Сеуле твоя паника при невозможности мгновенно найти какой-либо документ или банковскую карту), и к оценке твоей brutальной сексуальности.

Да всё это время я служила только доказательством для опровержения её обвинений.

Скажи, разве это не так?

Ты все расходы взял на себя, даже предложил оформить гостевое приглашение.

Да зачем оно мне было надо-то?

У меня хорошая работа, достойная должность, "белая"

зарплата, счёт в банке.

Кто же откажет мне в визе, сомневаясь в моей состоятельности?

Я её и получила очень быстро, и мы вместе порадовались, что встреча состоится и состоится очень скоро.

Жила в предвкушении.

Дни летели.

Даже, когда ты был в путешествии по Америке, чувствовала тебя, несмотря на эту ужасающе несовместимую разницу во времени, чувствовала тебя рядом.

Как это поразительно, когда можно знать со всей определённоностью, что в какой-то данный момент ты подумал обо мне.

Невероятно, что можно чувствовать невесомые прикосновения твоих поцелуев на своей шее перед сном. У меня даже мурашки пробегали по коже, так это было ощутимо.

И ведь это не бред больного воображения. Я реально это чувствовала. Осязала кожей. Как такое возможно?

И вот – заветная дата.

А за несколько дней до неё я вдруг почувствовала, как ты испугался. Чего? Почему? Для чего? Из-за чего? Я почувствовала, что ты близок к отмене встречи, и надеялась только на то, что, присущая всем заграничным людям практичность не позволит тебе сдать мои билеты и отменить мой полёт.

Ты, похоже, засомневался в необходимости встречи.

А может, я не права, и ты просто хотел сохранить то, что случилось между нами, не превращая это в рутину...

Я никогда не узнаю истинную правду, потому что ты никогда не скажешь мне её.

Как быстро летело время на пути в Стокгольм.

Всё нравилось: и девять часов полёта Владивосток-Москва, ведь можно сидеть без дела и думать о нас с тобой, и вспоминать наше время в Сеуле, и предвкушать предстоящую встречу, и загадывать, как это будет. Бродила по Шереметьево во время ожидания рейса в Стокгольм. Удивляла тебя в чате, что, оказывается, рейсы в Стокгольм отправляются с того же местного терминала D, куда прилетают большинство российских рейсов.

– Ох, может, это неспроста? – напрягался ты, – Может, Швеция уже становится объектом российских притязаний и слоган «крымнаш» превратится в нечто похожее – «Стокгольм наш»?

А рейс Москва-Стокгольм? Ну, что может быть короче этого расстояния, преодолеваемого всего лишь за два часа полёта.

И всё это время я, как заклинание, повторяла " О Боже! Скоро встретимся! О Боже!".

Сердце колотилось так, что не слышно было мыслей...

Посадка.

Паспортный контроль. Вообще не понимаю, о чём спрашивает это весёлый разбитной шведский пограничник.

Как можно понять его, когда в голове только одна-единственная мысль – ты здесь, ты рядом, ты через несколько минут, и мы встретимся.

Жаром пышут щёки, грудь раздражает волнением, дыхание прерывается, а ноги подкашиваются.

Увидела тебя, поняла – ждал.

Ждал, волновался, метался мыслями, но – ждал.

Подошла молча, не сказав ничего общепринятого при встрече, просто уткнулась тебе в грудь, обняла такое знакомое уже тело и замерла.

Замерла, вдыхая твой запах, ощущая тепло твоего тела, останавливая предательскую дрожь в коленках и вялость в мыслях.

Долго стояли так. Я просто не могла идти, и не знаю, понял ты это или нет, поэтому предложила присесть на скамейку.

– Nice to see you. Nice to see you again, – сказал ты мне в ухо.

А потом повторил ещё и ещё раз – в ухо, в макушку, в нос, в губы, и непонятно, кого ты хотел в этом убедить – меня или себя.

У меня вечная проблема в понимании разницы между

этими «Nice to meet you» и «Nice to see you». Осознавать разницу помогает только усилие воли и эпизоды из фильма «Ешь. Молись. Люби», когда героиня Джулии Робертс объясняет это Кетуту: в первом случае – это после знакомства, а во втором – при дальнейших встречах.

Вообще никогда не важно было, что говорю и как слышится моё деревянное русское произношение. Всегда была уверена, что ты поймёшь меня правильно и не ошибёшься.

Заранее договаривались, что пару дней проведём в Стокгольме.

Ну, я, конечно, сомневалась, что мне удастся посмотреть много достопримечательностей, зная неуёмность нашей страсти, но – уехать в далёкий Сундсвалль и не посмотреть Стокгольм??

Нет, несмотря на всю полноту моих чувств к тебе, пожертвовать новыми впечатлениями в новой для меня стране было выше моих сил.

В такси с аэропорта до отеля ещё держались приличий. Водитель оказался твоим земляком. Беседа о наболевшем, своём, арабском, немного отвлекла тебя от меня, а мне позволила взять передышку и немного хоть совладать с дыханием, частотой сердцебиения, да и просто с мыслями.

В номер уже просто ввалились.

Что это было?

Разрывая друг друга, впиваясь друг в друга губами, руками, ногами, телами и зубами, не осознавая боли, причиняемой друг другу, стремились ворваться, взорваться, раствориться, углубиться, убедиться, насладиться.

И когда я спросила: «Что это? Что это с нами?» Ты ответил просто: «Это называется любовь».

Потом были неспешные прогулки по прекрасному, сказочно-историческому и европейски-миниатюрному старому Стокгольму.

Сливались с ленивыми потоками праздно шатающихся многоголосых туристов, крепко держась за руки не потому, что боялись потеряться в многолюдной толпе, а потому что не хотели разъединяться, оставаясь в энергетической сцепке, ощущая тепло рук друг друга.

Наслаждение красотой нового места вместе с наслаждением совместного бытия с человеком, который уже стал твоей какой-то неотъемлемой частью, что может ещё вмещать в себя счастье?

Тягучее неспешное ощущение полноты этого самого счастья, и в те моменты казалось, что это будет длиться вечно...

Были осмотрены основные достопримечательности старого города, сделаны фотографии в просвете самой узкой улицы в мире, поглажен по лысой макушке мальчик Олле – самая маленькая статуя в мире.

И, зная уже, что при этом надо загадывать самое сокровенное желание, конечно же загадала своё: быть с тобой вместе, всегда, вот так – за руки по-жизни...

Врун ты, маленький мальчик Олле! Не исполнил ты моё сокровенное желание, хотя и положила рядом с тобой все нашедшиеся в сумочке российские рублики – и по примете, и по обычаю, чтобы вернуться.

А слаще всего были бесконечные поцелуи – нежные и быстрые, украдкой и надолго, неспешные и жаркие, утайкой и напоказ, не замечая и не стесняясь окружающих людей.

Мы стояли на вокзале в ожидании поезда в твой Сундсвалль, лениво оглядывая проходивших мимо пассажиров, я наконец-то сделала вывод: чем же мы так отличаемся от них.

Что позволяет так безошибочно определить нас в любой стране мира (ну, Африку и Азию брать не будем)?

Мужчины, особенно отдыхающие россияне, палятся носками, одетыми под сандалии, мокасины, и даже сланцы...

А вот, чем же привлекаем мы, русские женщины, других мужчин?

И в один момент меня озарило: да ведь мы являем себя миру!

Вот идёт она, шведка, как та наша Мымра из «Служебного романа»: вся скукоженная, как старый башмак, взгляд внутри себя и своего собственного мира, волосы цвета, с которым и родилась, стянуты унылым пучком, и – чешет, не замечая

никого и ничего вокруг!

А мы? Мы, русские женщины, причём абсолютно разного возраста, степени привлекательности, уровня образованности и качества жизни?

Мы смотрим в мир.

Мы себя миру несём.

Мы себя миру дарим.

Без оглядки, без остатка, нараспашку и наотмашь.

Мол, берите меня всю, ничего не жалко, у меня ещё этого добра много!

Именно, добра – в душе, в сердце, в мыслях.

Поэтому, так и привлекательны русские женщины, и так удивительны мы для всех остальных мужчин, кроме, наверное, наших, которые к красоте этой привыкли, как к полученной по праву рождения данности.

От Стокгольма до Сундсвалля часа четыре езды на поезде.

Время шло так незаметно.

Да и какая разница: сколько ехать, куда и зачем?

Был бы милый рядом, как в песне.

Вагон комфортабельный, сиденья мягкие, туалеты чистые, а в тамбуре даже "чай, кофе, потанцуем".

А из окон – игрушечные домики чинно-благородной Швеции, ровненькие поля, чистые машины на чистых дорогах.

И Сундсвалль твой оказался таким же игрушечным. И не

понравился мне в тот раз совершенно.

– Что за глушь, – думала я, оглядываясь по сторонам, – как здесь вообще можно прижиться?

Отторгало всё: сонность провинциального городишки, отсутствие людей в пределах видимости, удалённость вилл, сами виллы, наружной отделкой напоминающие всем надоевшие сэндвич-панели наших киосков (хотя при близком рассмотрении это оказалась обшивка настоящим деревом, окрашенным в цвета стандартных сэндвич-панелей).

Твой дом понравился сразу и бесповоротно.

Я сразу поняла, что он меня принял, я умею чувствовать эти вещи: кто или что меня принимает, а кто или что – нет.

Твой дом, твоё обиталище, твоя гордость! Он не мог быть другим: просторный, тёплый, очень комфортабельный, а главное – живой.

И наполненный именно твоей энергетикой, хотя ещё с оставшимся интерьером твоей экс-жены.

И даже во всей беспорядочности хаоса, устроенным вами с детьми, в нём было уютно.

Шокировало всё: носок сына-тинейджера на кухонном столе, розовый бюстгальтер половозрелой дочурки под подушкой на диване, раскиданные там же пледы, полные залежами посуды раковины – и это при наличии двух приходящих помощниц по дому.

Было ясно и показательно понятно, что в этом доме париться по поводу домашнего хозяйства никто не любит и не

считает нужным тратить на это время.

А уж из твоих дальнейших рассказов я потом сделала вывод, что это тоже был протест, твой протест против маниакальности твоей экс к порядку, твоё личное восстание Спартака.

Дети... Отдельная глава всей нашей истории.

Мне вот интересно даже сейчас: ты всегда их так самолюбвенно любил и баловал, или это тоже твой последующий протест на обвинения жены, что ты живёшь только работой, а не семьёй?

Да нет, ты просто отец – перфекционист...

Ведь в Швеции, оказывается, участие отца ребёнка в родах – это, скорее правило, чем исключение.

Через несколько дней заметила восстановленную на полке вашу семейную фотографию: ты её отвернул, но кто-то из детей восстановил её в правах заявлять о неизменности вашей семейной истории и поставил на место.

Она всегда у меня перед глазами, эта фотография: твоя жена (типичная шведка – невзрачная и невыразительная), дочка и ты с маленьким сыном на руках – счастливый отец и надёжный муж.

Я тогда впервые ощутила острую зависть к твоей жене: ведь это ты с ней был все месяцы её беременностей, её руку ты держал в родах и ей шептал нежные слова поддержки.

Я же все эти этапы проходила совершенно одинокой, надеясь только на себя и имея только себя...

Как я захотела родить ребёнка от тебя и тебе!

Чтобы тоже получить свой кусочек такого же счастья.

И тогда же поняла, что мне не войти в твою семью... никогда ей не стать... эта дверь для меня закрыта.

И закрыл её ты давно, когда твоя жена ушла от тебя, не взяв ничего из дома, который она с таким вниманием и усердием создавала и обустроивала.

Ушла, скорее всего, молча и достойно, даже не побив, по русской народной привычке, посуду или оборвав портьеры... ну, это, конечно, на мой уже вкус.

Я не романтичная натура.

Никогда ею не была.

Мне всегда чужды были эти мусипуси – вечера со свечами и вином.

Знаю, вгоняла в ступор мужчин, отвечая на извечный вопрос:

– А вы, девушка, что пить будете? Шампанское, конечно?

– Да нет же, мне – водочки, пожалуй!

Потому что, ещё во времена моей работы в отделении интенсивной терапии и реанимации нашей городской больницы, учили меня наши доктора:

– Пей водку. Самый чистый продукт.

Да и со студенчества, как-то привычка больше к спирту

была.

Но вот эти совместные приготовления ужина вдвоём, на кухне...

Я тогда в первый раз почувствовала, как это – раствориться в человеке.

Для тебя приготовление пищи – это процесс создания, со-
зидания, креатива, всегда экспромт.

В этом ты весь.

Сразу вспомнила твои слова, как ты любишь пробовать местную кухню в новой стране – всего по чуть-чуть, но всего.

Теперь понимаю, это относится не только к кухне.

Ко всему.

И к женщинам тоже.

Вернее, не к женщинам, как таковым, они (мы) тебе не особенно-то и нужны.

Ощущения. Эмоции. Впечатления.

Вот, что тебе нужно.

И всегда новые.

И в блюдах также. Для меня, рационального Козерога, пища – это всего лишь комплектация жиров/ белков/ углеводов, в зависимости от поставленной цели – сбросить или набрать вес.

Я могу месяцами питаться однообразно, поглощая белки в виде яиц, печени или куриной грудки, мне это вообще не важно. Важен только конечный результат, что я могу с этого

приобрести.

Но для тебя даже сам процесс приготовления ужина – это созидание.

Я смотрела на тебя, на твои движения, твою мимику – я смотрела на тебя с обожанием.

Вот она, ошибка!

Никогда, никогда, никогда нельзя говорить мужчине: Я тебя обожаю!

Это – табу.

После этого всё пойдёт не так. Всё пойдёт вкривь, вкось и поперёк, потому что именно в этой фразе кроется безоговорочная женская капитуляция.

Всё.

Её не надо больше завоевывать, восхищать, удивлять.

Она, побеждённая – у ног своего победителя.

Она больше ничего не стоит.

Она – ничто, она уже неинтересна, она – уже прошлое.

Я помню тот день, и даже час и момент, когда я стала твоим прошлым.

Тогда, на кухне, когда ты чистил чеснок, а я сказала: «Я тебя обожаю!»

Хотя, вот странно, на обратной дороге в аэропорт, мы много говорили о браке, женитьбе, возможностях адаптации в другой стране.

Тебя очень интересовал вопрос, как я смогу оставить сво-

его сына и родных.

А я пыталась тебе объяснить, что только русская женщина, имея великую историю жён декабристов, может бросить всё – благополучие, статус, близких – и уйти за своим любимым куда угодно. Это – наша история, это – наша данность, мы – такие.

Если любим, то – взхлёб, безрассудно, наотмашь, отдавая себя целиком и полностью.

Но, наверное, не понять тебе было этого, проживши 30 лет в браке с самодостаточной шведкой.

Пять часов дороги пролетели незаметно, в неспешных разговорах под мои любимые песни Успенской.

И тебе они понравились.

У нас вообще все вкусы совпадали, по любому поводу.

Как, скажи, ну как возможно вот такое совпадение всего, что нравится или нет??

Ну, не врут, значит, про вторые половинки?

Мы остановились в аэропортовском отеле.

Последняя ночь.

Что в ней было?

Страсть, мольба, желание, крик, надежда, боль, доверие, отчаяние, зов...

Как будто навсегда...

Навсегда – что?

Прощание или клятва верности?

Секс никогда не будет клятвой верности.

Уснули – рука в руку, а это посильнее любого секса.

Не люблю сопливые прощания.

В аэропорту присели на скамейку, по русскому обычаю, и я пошла к выходу.

Не было сил на объяснение того, чего не договорили и договаривание того, чего не объяснили... моменты, всхлипы, забытое и несказанное – всё, уже не ко времени...

Оборвала это ненужное прощание волевым своим решением, ушла.

Но – не выдержала, оглянулась.

А ты стоял и ждал. Смотрел и не уходил.

Оставлял в памяти момент прощания навсегда или оттягивал время расставания на срок?

Так никогда и не узнаю.

Летела назад с непонятной тяжестью на душе и туманными мыслями в голове.

Не могла понять: что не так?

Не видела себя, живущей в этой провинциальной шведской глуши?

Или не представляла себя, подбирающей носки по дому за твоими деточками?

Я просто не увидела себя в твоей жизни. Я не увидела в

ней места для меня.

Об этом и был разговор в предпоследнюю нашу ночь.

Я рассуждала, а ты, как всегда, слушал и кивал, соглашась с каждым моим словом, доводом и выводом:

– Ты искал женщину, роль которой придумал сам: искренний друг, сексуальная любовница, надёжный партнёр; для домашней работы у тебя есть две помощницы-тайки; а тебе нужна женщина, с которой рука в руку, нога в ногу, так сказать, нос к носу. Женщина, которую ты будешь желать, с твоих же собственных слов, умом, сердцем и телом. И ты нашёл. Меня. И знаешь это. И понимаешь, что я – твоя, я – для тебя, я – у тебя. Но вот, когда ты это осознал, тогда ты и испугался: а что же теперь, собственно, с этим добром делать? Как его, это добро, ну, то есть, меня – живого и реального человека, впустить в твою размеренную, упорядоченную, с таким трудом организованную и выстроенную тобой, после ухода жены, жизнь? Испугался настолько, что готов отказаться от меня, закрыть дверь твоей жизни прямо перед моим носом, да ещё и больно прихлопнув его напоследок, чтобы не возникло у меня повторного желания постучаться в эту твою дверь.

Я знала, что я говорю.

И знала, что я права.

И ты это знал.

Потому что я уже могла чувствовать тебя душой, сердцем, телом и даже кожей.

Что было потом? Не помню.

Помню только день и время, когда я осознала одновременно, что всё изменилось без возврата.

Что изменились твои мысли, твои планы относительно меня, планы даже относительно твоей жизни.

Надо принять это, как аксиому, не требующую никаких доказательств установку: если мужчина говорит тебе, что он занят – всё, баста.

С этого момента он не твой мужчина.

Собирай силу, волю, сопли в кулак и уходи.

Уходи первая, не оглядываясь, не выпрашивая нищенкой его время на общение, звонки или сообщения. Иначе всё дальнейшее уже будет чистойшей воды мазохизмом для тебя.

Но ведь редко, кто может себе позволить такую роскошь резать по живому ещё чувству.

Ведь всё ещё кажется возможным для возврата к прежнему. Любая женщина сможет объяснить все неувязки и нестыковки объяснений, лишь бы не признавать самого главного и очевидного, что она ему уже не нужна.

Все дни смешались в одно сплошное непонимание того, что происходит, боль от осознания этого непонимания и надежду на восстановление той гармонии, которая была.

Да, всё ещё продолжали лететь сообщения, и в любой подходящий по времени момент я могла позвонить тебе и по-

болтать ни о чём, и временами я ещё получала твоё Good morning с поцелуйчиком (понимая, это просто что-то навеяло случайную мысль обо мне).

Временами охватывала жгучая, первобытная ревность, когда видела тебя on-line, но не со мной. Хотелось немедленно писать, звонить и кричать: с кем ты??

Кому пишешь, с кем разговариваешь, над чьими шутками заливаешься смехом?

Ну я же чувствую тебя даже через тысячи тысяч километров!

Я же чувствую каждую твою эмоцию, и сейчас эти эмоции не со мной... Как больно...

Прошёл год.

Я даже поняла и смогла объяснить себе, почему ты не захотел, чтобы я прилетела в Сеул, присоединиться к твоему проведению очередного отпуска с сыном.

Да, ты хотел быть с ним и не делить это время ни с кем.

Да и сынок твой такой компании в виде меня, явно бы не обрадовался.

А его хорошее настроение – как показатель твоего отцовского соответствия. Ты готов это охранять любыми силами и средствами.

Но вот всё это время нахождения так вопиюще рядом, я знала, что ты мыслями со мной.

Ты подтверждал это часто присылаемыми сообщениями и фотографиями.

Да зачем мне нужны эти подтверждения, если я опять-таки чувствовала, что Корею ты воспринимаешь теперь через призму воспоминаний обо мне, о "нашей с тобой" Корее.

Ты держал меня в мыслях постоянно.

У меня даже щёки горели, так ты меня вспоминал.

Было ощущение, что ты на соседней улице, в соседнем доме – только рукой подать, в какой-то прямо шаговой доступности... улицу перейти – и в твои объятия.

Была готова прилететь в Сеул на пару часов, не выходя даже за пределы аэропорта Инчхон, только чтобы увидеть тебя, обнять, прижаться, вдохнуть твой запах, услышать любимый голос, почувствовать твои руки и – улететь обратно.

Надеялась, но...

Не позвал.

За этот год я прочитала массу тщательно подобранного материала о расставании, об окончании отношений, о том, как и чем сделать этот процесс менее болезненным и печальным.

Между нами ещё не обозначалась эта тема, ты каждый раз повторял, что хотел бы сохранить наш контакт. Но что означает контакт?

Отношения?

Или контакт в мессенджере?

Дружба?

Как прорваться через тонкости перевода с одного языка на понимание другого языка?

Иногда мне казалось, что все наши беды только от нашей же интернациональности: если бы разговаривали на одном языке, может, было бы легче понять или объяснить нюансы.

Предлогами, суффиксами, синонимами. Да многоточиями, в конце концов!

"Незавершённый гештальт" – вот как это называется в психотерапии.

Когда не происходит логического завершения чего-либо. И ты понимаешь, что происходит, но понимаешь, что происходит не то, что ты хочешь и к чему стремишься.

Я не понимала ничего.

Пустить на самотёк?

А как же – "Не отрекаются, любя"?

Уйти в тишину?

А если это будет выглядеть обычными бабскими надуваниями губ?

Забрасывать звонками и сообщениями и вовсе глупо.

Ох, уж эта стальная связка парочки комплексов – козерожьего упрямства и перфекционизма, как же, как же... нужно всё довести до своего логического завершения.

Но мне важно было всё-таки выяснить, определить, поставить точки над "i", прийти к этому логическому завершению.

Мой математический склад ума не хотел оставлять всё это в подвешенном состоянии, без выяснения и ясности.

Я просто хотела посмотреть тебе в глаза.

Не по Skype, не в видеочате.

Вживую, в глаза.

Я бы всё поняла сразу.

Так мне тогда казалось.

Это редко, очень редко со мной происходит, когда я принимаю решения мгновенно.

Да, практически – никогда.

Семь раз отмерить, и так и не отрезать – вот это моё.

Всегда долго и мучительно принимаю решения, особенно судьбоносные, типа – образования, работы, отношений.

А тут, недолго думая, проснувшись как-то утром в июле, позвонила тебе и сказала, что взяла билеты, и удивлю тебя, постучавшись однажды в дверь твоего дома.

Ты удивился.

Немного напрягся.

Но, как мне показалось, не от нежелания меня видеть, а, именно, от моего решения вторгнуться в твою жизнь так неожиданно и самостоятельно.

Немного твоей иронии:

– Спасибо, что предупредила.

Что ж, в принципе, твоё согласие получено.

Да надо ли мне более.

Казалось, всё.

Вот оно, логическое завершение.

Казалось, ты же должен понимать, что не просто в гости я к тебе еду за тридевять земель, "how are you " сказать.

Раз дал разрешение на приезд, ну, это, практически, как замуж позвал.

Билеты куплены, виза открыта.

Не такая, конечно, какую я хотела.

Подавала-то на трёхгодовую мультивизу, чтобы был у меня запас времени для дальнейших действий.

Но это – Швеция.

Как и предупредили ребята в визовом центре, не факт, что дадут запрашиваемое, хотя документы все и справки собрала замечательным комплектом.

Дали визу на 90 дней и всего на полгода.

Немножко погоревав, я успокоилась: а что, собственно, расстраиваться-то?

Главное – еду!

А там, на месте и разберёмся.

С визой в паспорте шла, любя весь мир и всех людей.

В подземном переходе на Покровском парке уличный музыкант что-то наигрывал, кажется, из "Машины времени".

Никогда этого не делаю, а тут прониклась, подошла, положила купюру и попросила сыграть мне бетховенского "Сурка", очень люблю эту тоскливо-щемящую мелодию.

– А что это? – спросил музыкант, удивлённо округлив свои глаза в красных, лопнувших от бесконечного пьянства, сосудах, – я такого и не знаю.

– Да это же классика! – пояснила я.

И этот маленький инцидент как-то меня немного отрезвил. Я почувствовала себя обманутой в лучших побуждениях, какой-то осадок остался от этого прекрасного дня получения очередной шенгенской визы.

Впереди ещё было почти три месяца ожидания.

Да это уже было неважно.

Я! К тебе! Лечу!

Ощущение счастья описать, в принципе, очень просто: это когда ты летаешь.

Ну, то есть, не просто ходишь, там, на работу или по улице, а паришь где-то не здесь, вся в себе и в своём восторге.

Когда хочется петь, и хочется любить всех, и особенно любить всех именно потому, что они не в таком же состоянии, несчастные.

Время ожидания забила интенсивом, как могла: четыре тренировки в неделю, две или три йоги, фильмы досмотреть, книги дочитать, все маникюры-педикюры-шугаринги-косметологи в строжайшем графике: тело – в дело, так сказать.

Никогда прежде так не была довольна своим телом, знала, как ты от него в восторге.

Это твои слова обо мне: ум пятидесятилетней женщины,

тело тридцатилетней, а душа двадцатилетней.

А хотелось сразить вообще наповал.

Общаться сообщениями или звонками не хотелось уже даже мне.

О чём говорить?

Зачем?

Что спрашивать?

Что отвечать?

Если скоро при встрече можно будет дышать тобой и понимать всё без слов.

К тому же, ты сказал, что за неделю до моего приезда тебе надо будет слетать в Каир:

– По делам семьи, – пояснил ты.

Просыпаясь по утрам и перед тем, как заснуть ночью, да, ладно, и посреди белого дня – на тренировке ли или на работе в офисе – я часто хотела представить нашу встречу и предугадать свою реакцию.

Что я сделаю?

Опять, как в прошлый раз, подойду к тебе медленно, уткнусь в грудь и буду стоять, не шелохнувшись, наслаждаясь близостью?

Кинусь на шею с поцелуями?

Повисну на тебе с объятиями?

Я примеряла каждую из возможных моих эмоций и не

могла сказать, какая из них подхватит меня на самом деле.

– Да, – решила я, – да и не буду я загадывать. Само всё произойдёт так, как надо.

А незадолго до поездки приснился мне сон.

Во сне мы с тобой были вдвоём, в Швеции, в номере отеля, и почему-то в разных кроватях.

И во сне я мучительно и тягостно пыталась вспомнить, как мы с тобой встретились в аэропорту, когда я прилетела... и не могла...

Ну, то есть, я помнила все моменты наших с тобой прежних встреч и дней, проведённых вместе, а тут не могла вспомнить, как не старалась сконцентрироваться в этом своём неприятном до озноба сне.

Проснувшись, ещё толком не открыв глаза, набрала твой номер телефона:

– Мне приснился кошмар. Мы с тобой встретились, но ты меня не целуешь, и даже не обнимаешь. Что это? Мне страшно, – даже, не боясь показаться тебе истеричной дурочкой, хрипло со сна шептала я.

И как целебный бальзам на раны моего долгого ожидания и томления слушала я твои успокаивающие слова:

– Не переживай. Всё хорошо. У нас всё будет хорошо, как всегда – и объятия, и поцелуи, и наш фантастический секс. Всё будет хорошо, я тебе обещаю.

И я верила, что ничего не изменилось, наша связь такая

же, как и прежде.

Я отсчитывала дни до встречи.

У меня было несколько способов: ну, по календарю – это самый банальный, а ещё – обратный отсчёт по количеству пятничных кардиотренировок, йоговских растяжек, да чего только не придумывала, чтобы дни пролетали быстрее.

Сердце гулко билось где-то снаружи грудной клетки, так я торопилась.

Я помнила дату твоей поездки в Каир. Я помнила всё, что так или иначе было связано с тобой. Ведь я жила тобой.

Совершенно бессознательно в то субботнее утро набрала в Google поиск рейса Стокгольм-Каир.

– Рейс вечерний, – подумала я.

– Собираешься в дорогу? – послала я тебе сообщение.

И очень удивилась, когда ты ответил, что уже в аэропорту.

А зачем же так рано было приезжать-то? – оставила я этот вопрос при себе, и что-то странно-беспокойное зашевелилось где-то в горле. Обратила внимание, что on-line постоянно...

Ну, с кем можно быть в постоянной переписке сообщениями, если ты летишь по семейным делам на свою Родину, в Каир...

Ком тревожной подозрительности разрастался.

И так стыдно было за себя.

Ну, вот что я придумываю себе?

Через две недели наша такая долгожданная встреча, которую мы оба ждём с нетерпением.

– Чего ещё желать? – успокаивала я себя.

Особо не собиралась.

Тело, кожа, лицо – всё это в полном порядке, в полной боевой готовности.

А из одежды только новое красивое нижнее бельё купила, ассортимент с собой не брала. По прежнему опыту помнила – нижнее бельё с тобой может и вовсе не потребоваться, как в прошлый раз. Неглиже – это не для тебя.

Моё голое тело, всё ещё такое стройное и молодое, тебя всегда привлекало гораздо больше.

С собой взяла самый минимум.

Ничего не загадывала, но все вещи в шкафу расположила таким удобным образом, чтобы в случае необходимости, можно было позвонить Мамочке, и ей было бы удобно их отправить мне почтой.

И полетела с сумкой через плечо, даже без привычного чемоданчика.

Полёт казался опять чрезвычайно коротким, а Стокгольм – опять чрезвычайно близким.

Ни расстояние, ни время не ощущалось вовсе.

Летела с чувством, что лечу к себе домой.

С удовольствием посмотрела парочку фильмов, послушала любимую музыку, не утомляясь, а даже неспешно наслаждаясь полётом.

Побродила по Шереметьевскому DutyFree, а уж перелёт Москва-Стокгольм так и вовсе не заметила, как и пролетели.

На паспортном контроле, как всегда, волновалась, но в этот раз даже никаких вопросов не задали вообще.

Просто – Зелёный коридор!

Пометила про себя, что хороший знак, и медленно пошла к выходу.

Медленно, потому что сердце уже колотилось где-то в горле, и надо было как-то это всё успокоить.

Я вышла.

Огляделась.

Тебя не увидела.

Я подумала, что от волнения не могу сфокусировать взгляд и, что, выгляжу, наверное, глупо – ты ведь не мог не приехать, у меня даже мыслей таких не было.

Отошла к выходу, села на скамейку.

Это очень было кстати, ноги просто подкашивались.

Прислонилась к стене и оглядела зал прилёта уже спокойно, медленно и внимательно.

Нет, я тебя не вижу.

Нет тебя.

И опять что-то больно кольнуло: как же так? Не торо-

пишьяся?

Поймала wi-fi, написала сообщение:

– А я уже здесь.

– И я здесь, – незамедлительно ответил ты, – паркуюсь.

Немного заметалась на проходе, заплелась ногами, подбирая нужный ракурс и выгодную позицию и увидела тебя.

Ты шёл, нисколько не торопясь, не смущаясь своим опозданием, и, похоже, не делая даже попыток меня отыскать глазами.

– Какой стал толстый! – мелькнула у меня первая мысль, – И кепочка какая дурацкая! – мысли продолжали мелькать.

И это были не те мысли, которые я ожидала иметь в своей голове при встрече.

Мне стало страшно, что после такой длительной разлуки, я обращаю внимание на дурацкую кепочку. Увидели друг друга, схватились глазами, подошли.

И... Всё, как в том ночном неприятном сне – потёрлись приветственно щеками, сказали какие-то обыденные слова и пошли рядом.

И – ничего!

Ничего не произошло ни с твоей стороны, и даже ни с моей: ни взаимных энергетических разрядов, ни моих радостных воплей, ни твоих тёплых объятий.

Ничего.

«Ну, вот и всё, – подумала я. – Вот всё и прошло. Жалко-то как». Можно было поворачиваться и лететь обратно,

если бы это было возможно.

Сели в машину, поехали в отель, редко переговариваясь о чём-то совсем незначительном.

Может, даже и о погоде, чего я всегда так боялась.

Нет, это было не смущение или стеснение малознакомых людей.

Это как раз было отчуждение людей, прежде близких.

Ну, вот, когда ближайшую прежде подругу или друга встречаешь, с которыми были "не разлей вода", а говорить-то уже и не о чем.

Но постепенно воздух твоего Cadillac Exaleder, немало-го внутренними размерами, наполнялся уже нашим совместным присутствием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.